

II. Авторитарная родовая община.

1. Возникновение первобытного земледелия и скотоводства.—Развитие орудий.—Рост потребностей.

Развитие земледелия и скотоводства медленно ограничивало власть случайности над жизнью первобытного человека.

Первые шаги земледелия тесно связаны с простым собиранием растительной пищи в том виде, как ее давала природа. Бродячая орда, занимавшая определенную область, время от времени возвращалась к тому месту, где она нашла большие количества растительной пищи: корней и плодов, стеблей и семян. Сначала случайные, эти возвращения становятся правильными и периодическими, если при своих возвращениях в определенное время года человек всякий раз находит ту же пищу, как и раньше. Собираание растительной пищи приобретает более или менее регулярный характер.

Племена, которые перешли к правильной охоте, не оставляют занятой ими области до тех пор, пока в ней остается достаточное количество дичи. Напр., даже в умеренном и холодном поясе современные охотничьи племена иногда по 20—30 лет держатся в небольшой области, схватывающей 400—500 кв. верст. Следовательно, и для них вполне естественным переход к периодическому собиранию растительной пищи на определенных местах.

При возвращении человек находил полезные для него растения не только там, где раньше собирал их, но и на местах прежних стоянок, куда все члены данной группы сходились с добычей. Почва на месте долгой стоянки непреднамеренно подготавливалась для непреднамеренного посева: очищалась от деревьев, кустарников и травы, кое-где взрыхлялась при подготовке топлива, при укреплении шатра и т. д. Рассыпанные семена, корни и клубни находили благоприятные условия для прорастания. Таким образом будущие куль-

турные растения отмечали передвижения первобытного человека, как жизнь современного человека сопровождается крапива:

Отсюда, — от непреднамеренного распространения растений, — остается лишь небольшой переход к собственно земледелию, к преднамеренной культуре растений, к самой примитивной ее форме. Заостренной палкой в земле делают ямки, в которые опускаются семена. Простая палка развивается в кирку (мотыгу): сначала два сучка, скрепленные под углом; впоследствии палка с прикрепленным к ней длинным, узким и слегка заостренным камнем. Кирка в течении нескольких тысячелетий оставалась основным сельскохозяйственным орудием. Земледельцы древнего Востока вообще не пошло дальше киркования (Häckbau). Южно-африканское туземное земледелие до сих пор стоит на этой ступени. И даже японцы, давно знакомые с плугом, еще в недавнее время применяли его для обработки земли только под рис, между тем, как для других растений обрабатывали землю при помощи кирки. Соха (плуг) развилась и получила распространение много позже. Да и она в своих современных формах и особенно в своем последовательном развитии хранит воспоминание о своем происхождении от кирки.

Первобытное земледелие не требовало оседлости. В подтропических странах, где, вероятно, оно возникло раньше всего, для созревания многих культурных растений требуется всего 5—6 недель; период настолько короткий, что в продолжение его даже роду, который живет преимущественно охотой, не приходится переносить стоянку на новое место.

Впоследствии, когда земледелие приобретает более важное значение в жизни рода, последний начинает соотноситься с ним в своих передвижениях. Он остается на одном месте до тех пор, пока урожай не будет собран. Такое кочевое земледелие сохранилось до очень поздних времен. Так, древние финикийцы, развившиеся из сухопутных кочевников в морских, при своих путешествиях вокруг Африки несколько раз высаживались на берег, делали посев, ждали жатвы и только тогда двигались дальше. В эпоху Геродота одно скифское племя соединяло земледелие с кочевой жизнью. И еще в настоящее время некоторые бродячие племена соединяют земледелие с охотой.

По мере того, как развивались орудия и совершался переход от собирания животной пищи к охоте, собирание растительной пищи все исключительнее ложилось на женщин и детей. В некоторых случаях выработалась прочная дифференциация: мужчины-охотники (или скотоводы) питаются почти исключительно животной пищей; женщины-земледельцы питаются только растительной пищей.

Требовались исключительные условия для того, чтобы земледелие приобрело преобладающее значение в жизни целых племен. Такие условия человек встретил прежде всего, в

равнинах, рек с мощными разливами, оставляющими толстые слои плодородного ила. Здесь наиболее приспособленным к новым условиям существования были те племена, у которых земледелие развилось в основную отрасль труда. Безлесная почва, свободная от сорных трав и достаточно рыхлая, требует ничтожной затраты труда и после самых элементарных подготовительных операций дает богатые урожаи. Земледельческие племена захватывают плодородные равнины, а потом, вытесненные из них, разносят земледелие по другим областям, в которых требуется уже предварительная подготовка почвы: расчистка, выжигание деревьев, кустарников и травы, искусственное взрыхление. Таким образом техника земледелия еще больше удаляется от простого собирания растений.

В настоящее время невозможно решить, с каких растений началось земледелие. Потребовался длинный процесс отбора для того, чтобы выделить современные культурные растения. Многие растения, которые теперь считаются совершенно непригодными для питания, в течение долгого времени служили основной частью растительной пищи. С другой стороны, земледелие возникало в различных пунктах земного шара совершенно самостоятельно, и пользовалось тем материалом, который давала окружающая природа. Так, первобытное американское земледелие могло культивировать только один злак: маис (кукурузу). В умеренном поясе старого света наибольшую роль сначала играли просо и ячмень, потом к ним присоединился овес, еще позже — пшеница и рожь; в жарком поясе рис очень рано приобретает преобладающее значение. Из других растений уже на первых ступенях земледелия в разных областях встречаются: тыква, лук, сморокница, различные виды бобовых и т. д.

Приручение диких животных тоже представляет медленный процесс, последовательные ступени которого не вносили заметных изменений в жизнь первобытного человека. Только накопление бесконечного ряда таких бесконечно-малых изменений привело к коренному перевероту в способе производства, к выделению некоторых племен, как преимущественно скотоводческих.

Быть может, одним из первых шагов на этом пути было приручение молодых животных, которые шли за убитой матерью на место временной стоянки первобытного человека. Их приручение было непреднамеренным и не преследовало хозяйственных целей. Они были скорее предметом забавы, чем запасом пищи; но в случае нужды они поедались.

Процесс приручения различных видов животных в различных пунктах земного шара принимал различные формы. Так, напр., собака, по всей вероятности, издавна стадами следовала за человеком, как современного человека в жарких странах сопровождают стада гиен и шакалов, набрасывающихся на остатки его пищи. Своим лаем собаки заблаговре-

менно предупреждали человека о приближении опасных врагов, а иногда участвовали в их отражении. В ряду поколений совместные странствования мало-по-малу приводили к известному сближению между человеком и собакой, к постепенному приручению дикой собаки, к тому, наконец, что она встречается уже, только как прирученное животное, — один из самых древних спутников человека.

Первобытный человек, который жил отчасти собиранием растительной пищи и низших животных, отчасти охотой за высшими животными, с течением времени начинал соотнобразиваться в своих передвижениях с передвижением стад: оленей и антилоп, коров и овец. Выработывались такие способы охоты и поимки отдельных особей, которые по возможности меньше тревожили стадо. Немалую помощь оказывали при этом животные, прирученные для забавы: пользуясь ими, человек легче мог приблизиться к стаду или приблизить стадо к себе, усыпив его недоверчивость. Таким образом, постепенно развивался своеобразный симбиоз первобытного человека и диких животных. Различные его ступени характеризуются степенью приручения диких животных. На севере еще в очень недавнее время, да отчасти и теперь, можно было бы наблюдать последовательные ступени перехода от первобытной охоты к первобытному хищническому скотоводству: стадии последовательного приручения диких оленей. Олени еще и теперь разделяются на диких, которые служат объектом охоты, полуприрученных и вполне прирученных. Способ использования полуприрученных стад очень близко напоминает охоту. Прирученные животные остаются жить в привычных естественных условиях. Здесь скорее человек приспосабливается к ним, чем приспособляет их к себе, как в случае с собственно домашними животными, которые появляются позже, с развитием оседлого земледелия.

Процесс приручения ускорялся, если человеку, бродившему за стадами, удавалось загнать часть стада в естественную, а впоследствии в искусственную ловушку: в пастбище с немногими выходами, при которых сторожили человек и собаки. Живя в привычной обстановке, животные не утрачивали способности размножения, как они часто утрачивают ее при резком переходе из дикого в домашнее состояние.

Возникшее в непосредственной связи с охотой, скотоводство на первых ступенях представляло лишь дальнейшее развитие охоты и служило исключительно источником мясной пищи. Использование животных в качестве средства передвижения развилось значительно позже и далеко не повсеместно. В Америке, при открытии ее европейцами, только перуанцы применяли один вид ламы в качестве вьючного животного; австралийские племена знали только убойных животных. Наконец, к еще более поздней эпохе относятся первые шаги в развитии молочного хозяйства и применение животных к разного рода работам, в особенности земледельческим.

Современные культурные животные были постепенно выделены в длинном процессе отбора. Некоторые из них первоначально приручались с совершенно иными целями, чем в последующие времена. Так, напр., собака почти повсеместно была, — а у некоторых племен и до сих пор остается, — убойным животным, которое разводится исключительно для мяса. Многие животные, приручавшиеся при зарождении скотоводства, впоследствии вытеснены другими видами и встречаются теперь только в диком состоянии. Так, в древнем Египте приручались некоторые виды антилоп, но потом их вытеснили овца и козел.

Возникавшее скотоводство первоначально служило просто подспорьем к охоте и по своему характеру почти не отличалось от охоты. С возрастанием плотности населения, оно приобретает решающее значение в степях и по склонам гор с богатым травяным покровом, в тундрах, дающих обильную пищу оленям. В этих областях именно скотоводство при относительно небольшой затрате труда дает наибольшее количество средств существования, и для живущих здесь скотоводческих племен открывается возможность сравнительно быстрого размножения. Таким образом, здесь развиваются скотоводческие племена, как в плодородных речных долинах — земледельческие племена.

Уже переход от собирания пищи к собственно охоте предполагает значительное совершенство орудий. По мере развития скотоводства учащаются столкновения между родами и племенами, что в свою очередь вызывает ускоренное развитие новых орудий обороны и нападения. Прimitивные палка и камень сменяются сложными орудиями; возникают и совершенствуются молот и копье, нож и топор, праща, бумеранг и лук со стрелами. В прибрежных областях появляется плот, медленно развивающийся в лодку, — выжженный в середине ствол дерева, подталкиваемый сначала пшестами, впоследствии веслами; возникают и усложняются рыболовные принадлежности: гарпун и плетеные из гибких ветвей снасти, примитивные крючки из костей. Прimitивное земледелие тоже требует особых орудий; развиваются мотыка, лопата, жернов, нож, приспособленный для срезания плотов и травянистых растений.

На место ограниченного количества простых первобытных орудий, из которых каждое применялось для самых разнообразных целей, выступает сравнительно большое количество дифференцированных орудий, из которых каждое с самого начала предназначается для определенной, более или менее отграниченной функции, но тем не менее по сравнению с предыдущим периодом отличается значительной сложностью. Количество и разнообразие орудий возрастает.

Техника производства орудий прогрессирует. Камню посредством старательного отбивания придается та или иная форма, в зависимости от поставленной цели; он подвер-

гается шлифовке, полировке и, в случае нужды, просверливанию. Постепенно развиваются орудия для выполнения этих операций — орудия для производства орудий: молот, заточная форма наковальни, сверло.

В связи с этими изменениями идет выделение и отбор материала, наиболее пригодного для той или иной цели. Первоначальное безразличие в этом отношении сменяется сознательным, планомерным выбором. Кремний, обсидиан, нефрит становятся главными материалами для производства оружия. К ним в рассматриваемую эпоху присоединились бронза и железо. Металлические орудия распространялись крайне медленно. Так, даже в такой поздний период, как эпоха Саула, его армия располагала в одной битве всего двумя металлическими мечами; все остальное оружие было сделано из камня и дерева. По способу производства металлических орудия первоначально ничем не отличались от каменных. Лишь с величайшей медленностью из отбивания, шлифовки, сверления и т. д. развивалось кузнечное дело.

Производство новых орудий, характеризующихся увеличением количества, разнообразия и сложности, требует значительного искусства, навыка и выдержки. Оно выделяется, как особая отрасль труда. Быстрее всего процесс выделения совершается в областях, богатых материалами, необходимыми для производства орудий. При известных условиях он приводит к тому, что некоторые роды так же исключительно и односторонне развивают у себя производство орудий (и оружия в том числе), как другие — земледелие и скотоводство. В таких родах производство орудий становится преимущественным занятием мужчин, между тем, как добыча и приготовление пищи ложится почти исключительно на одних женщин.

Трудовая энергия первобытного человека, весь его рабочий день, целиком затрачивались на добычу пищи. С развитием земледелия и скотоводства, с расширением применения новых, все более совершенных орудий, с прогрессом приготовления пищи, на добычу и приготовление пищи требуется уже не весь рабочий день, а только некоторая часть его, все более сокращающаяся по мере развития техники. Если род, который в первобытные времена все свое рабочее время затрачивал на добычу пищи, теперь затрачивает на это только половину прежнего времени, то это значит, что производительность труда в данной его отрасли повысилась вдвое. На получение прежнего количества продуктов приходится затрачивать вдвое меньшее количество трудовой энергии. Переход от простого отыскания пищи к земледелию и скотоводству, переселение из жарких стран с богатой природой в умеренный пояс со скудной природой может сопровождаться не «убывающим плодородием», а, напротив, повышением производительности труда.

Часть сил, которые раньше затрачивались прямо на добывание пищи, освобождается и может быть направлена на новые области труда, прежде всего — на производство орудий. Но и оно не поглощает всей освобождающейся трудовой энергии рода. Благодаря этому становится возможным рост потребностей, которые не стоят в непосредственной связи с поддержанием жизни, как чисто зоологического существования. Столкновение и борьба между отдельными родами ускоряют развитие новых потребностей.

Из отношений борьбы между родами возникли первичные «украшения». Победитель снимал с побежденного его вооружение: щит, топор, наконечники для стрел и дротика, отрубал уши и нос, снимал с него скальп. Некоторые из этих трофеев получали в его руках первоначальное назначение: применялись, как оружие. Другие, — скальп, уши и другие члены тела поверженного, — служили только трофеями и, накапливаясь, должны были с самого начала устрашать позднейших врагов. Пояс с подвешенными к нему трофеями послужил зародышевой формой передника, из которого впоследствии развились основные формы позднейшей одежды. Точно так же, напр., зубы убитого врага, прикрепленные к волосам победителя, дали начало головным украшениям. Только бытовые представления, получающие опору в библейском рассказе, выводят одежду из чувства стыда. В действительности, развитие чувства стыда следовало за развитием одежды: стало «стыдно» оставлять открытыми места, обычно прикрытые той одеждой, до которой доразвились данное племя в процессе борьбы.

Первоначально возникнув из такой потребности в «украшениях», одежда не утратила этого значения и по мере передвижения человека в области с более суровым климатом. Но здесь она превратилась, кроме того, и в предмет безусловной необходимости. Новое назначение: защита от растраты животной теплоты, повело за собою изменение в форме одежды и в материалах, из которых она делается.

Производство орудий, в особенности оружия, превращается в своеобразную отрасль художественной промышленности. Жилище из случайного пристанища развивается в постоянную постройку у земледельческих родов и в подвижной шатер — у кочевых. Оно наполняется всевозможной утварью, которая служит отчасти только для украшения, отчасти же, кроме того, и для разных хозяйственных целей. Резьба по камню, кости, рогу и дереву, гончарное производство, соединяющееся с живописью и резьбой, выделка шкур, различные виды плетения и вязания, переходящие в ткацкое производство, являются теми новыми отраслями труда, которые должны удовлетворять новым потребностям.

Поскольку новые предметы становятся необходимыми для существования рода, постольку весь труд, затрачиваемый на их производство, представляет столь же необходимый труд,

как и затрачиваемый на добывание пищи. Поскольку все члены рода принимают участие в трудовой деятельности, постольку каждый из них выполняет соответствующую часть этого необходимого производительного труда.

Общая сумма трудовых затрат рода не понизилась по сравнению с предшествующей ступенью развития. Но не понизилась она потому только, что потребности рода расширились. Если раньше он мог вести голое зоологическое существование, то теперь для него необходимо удовлетворение всех новых потребностей.

2. Запасы. Прибавочный труд.

С увеличением производительности труда становится возможным образование запасов. Все, что добывал первобытный человек, шло на восстановление трудовой энергии, затраченной в процессе его производства, в поисках пищи. Развитие земледелия, скотоводства, усовершенствование орудий и т. д. приводит к тому, что трудовые затраты дают продукта больше, чем требуется для возмещения этих затрат. Этот излишек над затратами, необходимыми для удовлетворения обычных потребностей рода, представляет прибавочный труд, а время, в течение которого он выполняется, — прибавочное время. Продукт, произведенный прибавочным трудом, не подпадает самостоятельной формы, не обособляется от продукта, который необходим для текущего потребления. Существование прибавочного труда выражается в том, что численность стада растет, запасов хлеба хватает не на больший срок, чем от жатвы до жатвы, количество орудий все увеличивается и т. д.

Сначала запасы возникают независимо от намерений человека, исключительно вследствие благоприятных внешних случайностей; вследствие обильных дождей—у скотоводческих родов, вследствие больших разливов—у земледельческих родов. Новые, неблагоприятные случайности: падеж скота или засуха, приводят к тому, что прибавочный продукт прошлого труда потребляется, запасы исчезают. Роды, которые ограничивались лишь безусловно необходимым трудом,—напр., убирали такую часть богатого урожая, которой в обрез хватит лишь до следующего сбора,—слабеют, уменьшаются в численности, даже совсем вымирают. Побеждают те роды, у которых прибавочный труд, а следовательно, и прибавочный продукт, служащий для образования запасов, развивается в постоянное явление.

В иной форме выступает прибавочный труд и произведенный им прибавочный продукт, если положение рода изменится, если, напр., борьба между родами приведет к подчинению одного из них другим и к обложению ежегодной данью: известным количеством меда, льна, шкур, скота и т. д. Вся дань, уплачиваемая побежденным родом, представляет вычет из годового продукта его производства. Если

она составляет, напр., $\frac{1}{3}$ всех продуктов, то на удовлетворение всех потребностей побежденного рода остается $\frac{2}{3}$ продуктов, производимых им в течение года. Вся сумма труда, затрачиваемая в течение года, весь рабочий год распадается на две части.

В продолжение одной из них, составляющей 8 рабочих месяцев, род как бы производит те средства существования, которые необходимы при новых, изменившихся вследствие завоевания, условиях. Тот труд, который затрачивается при этом, представляет необходимый труд, т.-е. труд, безусловно необходимый для поддержания существования рода на новом, понизившемся уровне.

В продолжение остальной части года, составляющей 4 рабочих месяца, побежденный род производит продукты, составляющие дань победителю. Затрачиваемый при этом труд представляет прибавок к необходимому труду, служит удовлетворению потребностей не побежденного рода, а рода победителя; продукт его потребляется не побежденным, а победителем. Затрата трудовой энергии сверх той меры, которая необходима для удовлетворения потребностей самих работников, представляет прибавочный труд. Время, в течение которого совершается эта дополнительная затрата, называется прибавочным временем. Продукт, производимый прибавочным трудом, называется прибавочным продуктом.

На рассматриваемой ступени развития необходимое и прибавочное рабочее время не выступают в осязательной, непосредственно раздельной форме. Но зато прибавочный продукт непосредственно принимает форму обособленной части, вычета из общего продукта, произведенного годовым трудом данной родовой группы.

Отношение прибавочного продукта к тому продукту, который остается у побежденного рода и идет на восстановление затрачиваемой им трудовой энергии, представлено выше в виде отношения двух частей рабочего года: 4 месяцев к 8 месяцам. Но его можно представить и в виде отношения двух частей одного рабочего дня. Если одна треть всего произведенного продукта является прибавочным продуктом, то это значит, что побежденный род $\frac{1}{3}$ своего рабочего времени затрачивает не на себя, а на удовлетворение требований победителя. Следовательно, если рабочий день рода составляет в среднем 12 часов, то из них 8 часов представляют необходимое время, а остальные 4 часа — прибавочное время.

Таким образом на этой ступени развития возникает возможность прибавочного труда и присвоения продуктов его теми, кто не принимал участия в трудовой деятельности, — возможность эксплуатации.

Такие же отношения эксплуатации, как возникающие при подчинении одного рода другим, могут медленно развиваться и внутри отдельных родов. Если по тем или иным

причинам — каким именно, увидим впоследствии, — часть членов рода освобождается от производительного труда, то средства существования доставляются ей трудом остальных членов рода. Их рабочее время распадается на необходимое время, — то, в течение которого производятся средства их собственного существования, — и прибавочное время, — то, в течение которого производятся средства существования перерабатывающих членов рода.

3. Разделение труда в родовой общине.

Рост производительного труда сопровождается крупными переменами в производственных отношениях рода.

Первобытная группа характеризуется однородностью трудовых операций, одинаковой ролью всех членов рода в процессе примитивного производства. Различиями возраста определяются количественные различия в затратах трудовой энергии. Но качественно, по своему направлению, эти затраты однородны. Все члены рода в меру своих сил принимают одинаковое участие в отыскании пищи и в отражении врагов, будут ли то люди или же звери.

По мере того, как увеличиваются размеры группы и разнообразие производственной деятельности, медленно развивается разделение труда между членами одного и того же рода. «И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец» (Бытие, IV, 3). «Цилла также родила Тувалкаина (Фовела), который был ковачем всех орудий из меди и железа» (IV, 22). «Дети выросли, и стал Исав человеком, искусным в звероловстве, человеком полей; а Иаков человеком кротким, живущим в шатрах... И продал Исав первородство свое Иакову. И дал Иаков Исаву хлеба и кушанья из чечевицы» (XXV, 27, 28, 33, 34).

Перед нами — специализация занятий, разделение труда: одни члены родовой группы занимаются исключительно охотой, другие — скотоводством, третьи — земледелием, четвертые — производством орудий. Но библейские представления о первичном разделении труда сформированы в очень позднюю эпоху, когда не только утратились воспоминания о матриархальном роде, но и разложение патриархального рода зашло очень далеко. Готовые результаты длительного процесса изображаются здесь, как исходные пункты в развитии технического разделения труда.

Началом процесса разделения труда послужили бесконечно-малые различия в занятиях членов одной и той же производственной единицы, одного и того же рода. Только постепенное накопление таких различий привело к распаду однородных прежде работ на несколько групп, к выделению последних, как специальных занятий определенных членов рода. Отыскание пищи дифференцировалось и дало начало земледелию, преимущественному занятию женщин, и

добыванию животной пищи, или охоте (включая сюда и рыболовство), преимущественному занятию мужчин. По мере того, как орудия и приемы охоты совершенствовались и усложнялись, в пределах рода вырабатывались искусные рыбаки с одной стороны и искусные охотники — с другой. Производство орудий, в свою очередь, выделилось в преобладающую, а потом и в исключительную отрасль занятий определенных членов рода. Увеличение размеров родовой группы делало такое выделение возможным: для нее требовалось настолько большое количество орудий, что на производство их затрачивалось всё рабочее время специалистов. Усложнение и усовершенствование орудий делало это выделение необходимым: только специализировавшись на данной отрасли производства, работник достигал желательного совершенства.

Развитие разделения труда в пределах родовой группы давало ей возможность достигать максимальных результатов при минимальной затрате трудовой энергии. Производительность труда возрастала, т. е. при затрате прежнего количества трудовой энергии получалось большее количество продукта.

На рассматриваемой ступени развития техническое разделение труда лишь медленно приводило к обособлению различных его отраслей, к созданию более или менее прочных, неподвижных перегородок между ними, к выделению исключительных специалистов в устойчивые, отмежованные профессиональные группы.

Одновременно с техническим разделением труда развивалось обособление труда организаторского от труда исполнительского. Пока производство оставалось однообразным и первобытно-простым, для выделения организаторского труда не было ни возможности, ни необходимости. Преходящими различиями возраста обуславливались преходящие различия трудоспособности. Младшие члены рода приобретали необходимый трудовой опыт в самом процессе труда под руководством матери или ее братьев. Труд временного руководителя отличался от труда остальных членов тем, что в единицу времени старший член затрачивал большее количество трудовой энергии, чем остальные, и потому его труд давал соответственно больший продукт. Но качественно рабочая сила руководителя такова же, и затрачивалась она в том же направлении, как рабочая сила остальных членов рода.

Чем более увеличиваются размеры рода, чем шире и разнообразнее становится его производство, тем недостаточнее оказывается та низкая степень организованности, которая развивалась стихийно и не пошла дальше зачаточных форм совместного труда. Постепенный переход от собирания выброшенной на берег рыбы и моллюсков к правильному рыболовству со сложными приспособлениями и снастями, от собирания низших животных к облавам на моржей и тюленей, от поисков плодов и корней к земледелию с зачатками ороси-

тельных сооружений мало-по-малу приводил к тому, что планомерное руководство, стройная организация, целесообразное сочетание разнородных действий превращались в постоянное требование, в необходимое условие существования рода.

Из временного руководителя мать, или ее брат, превращается в постоянного организатора. Его роль возрастает по мере того, как увеличиваются сложность и разнообразие производства, как прогрессирует разделение труда. Первоначальный род, в котором матери принадлежало просто центральное место, развивается в матриархальный род, в котором мать, или старший родственник по матери, становится влиятельным организатором, главой расширяющейся группы.

Все народы земного шара прошли через матриархат. Этот процесс ускоряется в тех случаях, когда земледелие превращается из побочного занятия рода в главный источник средств его существования и в то же время остается преимущественно женским производством. Охота по своему экономическому значению отодвигается на задний план. В таких случаях мужчина ведет иногда полупаразитическое существование, и его положение в роде соответствует ничтожному значению его занятий для существования рода. Долгие всего оставались на этой ступени развития племена, у которых земледелию принадлежало преобладающее значение. Быстрее всего матриархальный род разложился у племен с преобладанием охоты или кочевого скотоводства, как основных источников существования. Когда собирание растительной пищи и примитивное земледелие, лежавшее на женщине, превращается в скромное дополнение к охоте и скотоводству, а вместе с тем и к войне, мать утрачивает прежнее влиятельное положение, отец начинает борьбу сначала за свое признание, а затем и за преобладание.

Эта революция, одна из величайших в истории человечества, закончилась победой мужчины. Последовательные стадии ее были в общих чертах таковы. Женщина, которая первоначально всю свою жизнь оставалась в одном и том же роде, впоследствии была вынуждена переходить в род своего мужа. Она лишается непосредственной поддержки своих братьев и других родственников по матери, постепенно превращается в собственность нового рода. Устанавливается родство не только по матери, но и по роду отца. Дети остаются в роде отца. Мужчина, который прежде был руководителем рода, состоявшего из его племянников, т. е. детей его сестры, становится организатором нового рода, в который входят уже только его собственные дети, дети его братьев и другие степени родства исключительно по мужской линии. Организаторские функции, а затем и развившееся из них господствующее положение в роде, начинают передаваться от отца к его старшему сыну. Так матриархальный род шаг за шагом подтачивается и уступает место патриархальному

роду. Отношения первобытного и матриархального рода сменяются отношениями преемственного господства мужчины и подчинении женщины. Значительно медленнее, но в том же направлении совершается переворот и во внутренних отношениях преобладающе земледельческих родов.

Сначала руководство не было обособленным видом деятельности. Руководитель—мужчина или женщина—вообще говоря, исполняет такие же работы, как и остальные члены рода; он просто дает последним пример. Ему, как наиболее опытному, скорее просто подражают, чем подчиняются.

Даже война и охота лишь медленно развивают отношения командования и подчинения. Сильный и опытный идет впереди и своим примером увлекает за собой остальных. У некоторых воинственных племен центральной Африки и Калифорнии развитие власти предводителя до сих пор ушло лишь немного дальше этой ступени.

С расширением рода и его производства превращение отдельных членов рода исключительно в организаторов делает новый шаг вперед. У кочевников старейшина уже только начинает работу: накидывает аркан на самое неподатливое животное; у земледельцев старейший делает лишь первый удар мотыкой или проводит первую борозду. Все дальнейшее выполняют остальные члены рода; на руководителе лежит только верховный контроль, исправление промахов, общие указания.

Собственно земледельческие роды только при особых условиях пошли дальше таких зачатков организаторского труда, как исключительной деятельности отдельных членов рода. Южно-славянская задруга и русская семейная община представляют продукт разложения матриархального рода и постепенного развития его в патриархальный. Они существуют среди менового общества, среди отношений, основанных на частной собственности, на господстве одних и подчинении других. И тем не менее глава общины здесь—просто исполнитель ее коллективной воли, руководитель ее трудовой деятельности, представитель при сношениях с другими общинами. Свое место он занимает обыкновенно не по наследству, а по избранию всей общиной. Таково же и положение представителя нескольких соседних общин, объединяющихся для достижения тех или иных общих целей.

В областях, где урегулирование мощных рек является предварительным условием существования плотного земледельческого населения, организаторский труд совершенно отделился от исполнительского и развился в сложную иерархическую систему. Но, повидимому, эта, строго выдержанная авторитарная система не самостоятельно выработана в процессе развития земледельческих родов; она, по крайней мере, ее основные зачатки, принесена завоевателями-кочевниками. Встретив урегулирование, проводимое медленно, частично, в более или менее местном масштабе, на началах соглашений

между соседними родами, кочевники-завоеватели применяют свой централизованный аппарат принуждения для того, чтобы придать урегулированию рек широкий, планомерный, выдержанный характер. И этим урегулированием, экономической необходимостью его для земледельцев они прочно закрепляют свое господство над земледельческими племенами, заселяющими долину реки. Так сложились производственные отношения в Китае, Месопотамии, Египте.

Быстрее шло развитие власти организатора у охотничьих и скотоводческих родов.

Охота и скотоводство приводили к частым столкновениям между соседними родами из-за территорий, стад, водопоев. Война становилась нормальным, постоянным явлением, из беспорядочной свалки превращалась в длительный поход, обдуманный до деталей, в ряд стройно организованных сражений, в которых проводится значительное разделение труда: одна часть рода ложным движением отвлекает силы врага от места главного удара, другая — нападает на стоянку, третья — на стада, четвертая — устраивает засаду. Предводитель из временного руководителя, подающего пример, постепенно развивается в более постоянного организатора; он направляет действия второстепенных организаторов, которые ведут в битву отдельные части рода. Организация усложняется еще больше, когда война ведется не отдельным родом, а группой союзных родов.

Но охота и скотоводство не только учащали военные столкновения: они же дали и первые, зародышевые формы сложной военной организации. Это как нельзя более естественно. Война, в особенности на первых ступенях, и по цели, и по приемам — та же облава, та же охота; только объект ее не животное, а человек. Впоследствии она, как и охота, в свою очередь может развиваться в своеобразное первобытное скотоводство. Так было в древней Мексике, где стада побежденных племен служили запасом пищи для победителей.

Сначала вождь выдвигается только в сражении и на время сражения. Впоследствии совещание рода, подготавливаясь к походу, наперед выбирает его. По окончании войны предводитель становится рядовым членом рода; на одинаковых основаниях с остальными он принимает участие в обычных работах, под руководством главы рода, старейшины, организующего всю нормальную трудовую деятельность рода. Во время войны он такой же исполнитель воли рода, как старейшина — в мирное время. Старейшина при содействии остальных членов рода учитывает общие потребности и, с согласия всех взрослых членов рода, распределяет рабочие силы по различным отраслям усложняющегося производства. Точно так же собрание решает и план военной кампании; предводитель, мужчина или женщина, это — лицо, на которое собрание возлагает руководство исполнением плана.

По мере того, как с увеличением плотности и подвижности населения возрастает масштаб столкновений и усложняется организация походов и битв, выработка стратегических планов и избрание главного проводителя переходит от собрания рода к собранию предводителей. Выборы предводителей постепенно превращаются в простое утверждение старых предводителей, зарекомендовавших себя в предыдущей войне. Организаторские функции все более отделяются от исполнительских. Рядовые члены рода просто должны выполнять план, в составлении которого они не участвовали. Координация всех частичных операций—дело исключительно предводителя. Он командует, остальные исполняют его волю. Так возникают отношения власти, отношения господства и подчинения. В такой—все еще довольно примитивной—военной организации с предводителями нескольких степеней уже дана зачаточная форма общественных отношений феодализма.

С ростом значения войны для жизни рода, с усложнением и возрастанием его повседневного производства элементы военной организации из области войны понемногу переносятся в область мирных отношений. Организаторский труд совершенно обособляется от исполнительского. Около старейшины, главного организатора, появляются второстепенные организаторы. Все они, не принимая непосредственного участия в процессе производства, существуют на прибавочный продукт, производимый остальными членами рода. Рабочее время работающих членов рода распадается на две различных части. В течение одной части рабочего дня они производят необходимые средства своего собственного существования, в течение другой—средства существования организаторов. Если, при данном уровне производительности, работающим требуется 10 часов труда, чтобы произвести необходимые средства своего существования, то при 12-часовом рабочем дне организаторы могут присвоить продукт остальных двух часов.

Полное обособление организаторской деятельности, превращение ее в особую привилегию ограниченной группы рода, установление ее наследственной передачи от отца к сыну, неразрывно связано с развитием обмена, с возникновением собственности, с внутренним разложением старого рода.

Существование при медленно изменяющихся, почти застойных производственных условиях приводит к тому, что в длинном ряду поколений вырабатываются прочные навыки, эмпирические приметы, устанавливаются грубые внешние соотношения между явлениями природы и моментами производственной деятельности. Первобытно-скотоводческий род, который из поколения в поколение бродит за вольными стадами полудиких животных, с течением времени начинает предугадывать их передвижения, в надлежащий момент под-

готовляться к ним, а потом и направлять их. Точно так же первобытный земледелец начинает сообразовать посев с набуханием почек, цветением того или иного дерева, с прилетом тех или иных птиц. Обязанности руководителя связываются со способностью предсказаний, гаданий, по признакам, неуловимым для рядовых членов рода. Колдун, шаман выступает около организатора, иногда сливается в одном лице с ним. Организатор пользуется в своей деятельности всем многовековым опытом рода. Он—прежде всего хранитель его преданий, его запаса эмпирических наблюдений. При малой подвижности всех производственных отношений, этого достаточно для руководства хозяйственной деятельностью рода.

Опыт предков, в общем, помогает организатору ориентироваться и среди колебаний обычного хода производства. Если приметы показывают, что улов рыбы будет плох, необходимо усиленно заняться охотой; если приметы неблагоприятны для стад, надо расширить посевы; если следует ожидать скорого приближения диких стад, то к производству оружия привлекается возможно большее число членов рода. Старинный опыт, просто воспринятый от предков, лишь с величайшей медленностью расширяется новыми наблюдениями, которые делает каждый новый организатор.

Таким образом, организатор устанавливает известное соответствие между различными отраслями производства и целесообразно распределяет между ними рабочие силы. Он достигает того, что все годовые потребности рода покрываются его производством и не образуется чрезмерных запасов одних продуктов в то время, как другие отсутствуют.

Эмпирические правила, которыми руководствуется организатор, в течение долгого времени сохраняют свой первоначальный характер совершенно конкретных примет. По самой своей конкретности они не допускают сведения в какую-либо систему. Значительная часть их подлежит не столько сознательному пониманию, сколько чисто механическому усвоению. В полном объеме они известны только организатору. Он может превратить их в свою тайну, которой поделится только с тем, с кем захочет. Следовательно, на известной ступени развития организатор может добиться того, что ему будет предоставлен выбор преемника. Таким образом, в развитии самого организаторского труда создается опора для наследственной передачи положения организатора.

4. Размеры родовых общин, их дробление и взаимоотношения.

Повышение производительности труда приводит к увеличению численности той группы, которая находит достаточные средства существования на площади определенных размеров. Данные об увеличении территориальной емкости, со-

проводящем переход к земледелию и скотоводству, не могут быть вполне точными. Поскольку они относятся к областям с различным климатом и различной природой, они несравнимы. Чем примитивнее орудия труда, чем зачаточнее культура, тем безграничнее власть природы, тем исключительнее ее влияние на плотность населения. С другой стороны, отнесение различных племен в разряд, напр., «охотничьих» еще ничего не говорит о совершенстве их орудий и приемов охоты. В этой области возможны большие различия. Насколько велико влияние всех этих обстоятельств, покажет один пример. Индейцы северо-запада Соединенных Штатов, Гудзоновой области и Патагонии причисляются исследователями к «охотничьим» племенам. Для того, чтобы добывать средства существования, на одного охотника требуется площадь: в первой области—до 3 квадр. километров, во второй—до 25 и в третьей—до 95 квадр. километров.

Однако, и такие данные, при надлежащем отборе и группировке, все же могут служить основой для некоторых сравнений.

Вычисления, — разумеется, более или менее приближенные, — дают на 1000 квадр. километров такое количество населения при различных способах производства: охотничьи племена (бушмены, австралийцы) 2—10 человек; охотничьи племена с зачатками земледелия (индейцы, папуасы, некоторые негритянские племена в Африке)—200—700 чел.; кочевые пастушеские племена—700—1.700 чел.; рыбачьи племена на северо-западе Америки и в Полинезии—до 1.700 чел.; рыбачьи племена с зачатками земледелия на островах Тихого океана—до 9.000 чел.; кельты и германцы (до начала нашей эры) при занятии земледелием и скотоводством—5.000—12.000 чел.

Таким образом, в областях с приблизительно одинаковыми условиями природы переход к примитивному земледелию и скотоводству увеличивает плотность населения в 20 и более раз. С дальнейшим развитием земледелия и скотоводства территориальная ёмкость повышается настолько, что плотность населения в умеренном поясе с суровой природой начинает превосходить плотность расселения примитивно-земледельческих племен Тихого океана, живущих среди богатой природы. Непосредственное влияние природы отступает перед влиянием техники. Человек—существо, делающее орудия, —одерживает решительные победы над природой. В своих передвижениях он переходит в полярные страны. Начиная с этой ступени развития, уже не природа, а только человек может победить и вытеснить человека.

Низкая производительность труда ставила очень низкую границу размерам родовой группы у первобытного человека и требовала деления группы, как только достигалась эта граница. При повышении производительности общественного труда группа сравнительно крупных размеров может суще-

ствовать на небольшой территории; с другой стороны, новые группы, отделяющиеся от нее, могут следовать за нею при ее передвижениях или селиться в непосредственном соседстве с нею. Кровные связи, которые были так узки в предыдущую эпоху, несколько расширяются. Становится возможным то явление, которое получило неудачное название «эксгамного брака»: установления брачных связей только между членами различных родовых групп, воспрещение их между членами одного и того же рода. Оно служит выражением тенденции к исключению от брачных связей родственников: сначала близких степеней, а потом и отдаленных, сначала по матери, а впоследствии и по отцу. Эта тенденция могла обнаружить свое действие лишь на той ступени развития, когда род утратил свою прежнюю абсолютную обособленность, когда отношения беспощадной борьбы начали переходить в соседские отношения, — т. е. когда расселение родов стало более тесным.

Так как роды уже не с такой быстротой, как раньше, утрачивают воспоминание о своем кровном единстве, то этим дается первоначальная основа для развития отношений сотрудничества между ними. Они сообща организуют охоту в крупном масштабе, походы против чужих родов и защиту от их нападений; приступают к устройству общими силами обводнительных и осушительных сооружений: к начаткам урегулирования ручьев и разливов, распределения их по полям. Совместность борьбы за существование, т. е. трудовой совместность, охватывавшая раньше только членов одного узкого рода, постепенно расширяется и развивается в новую основу для межродовых связей. Возникают зачаточные формы «племени», «народности», «национальности»: более или менее обширных групп, у которых на почве длительной трудовой сплоченности развивается общность исторического опыта, трудовых навыков и приспособлений, языка и преданий. Раньше всякий член другого, не своего тесного рода, был «чужим», — что соответствует «варвару» позднейшей ступени: греков классического мира, современных китайцев. Понятие «варвар», противопоставляющееся понятиям «человек», «свой», отодвигается за пределы сравнительно обширных соседских групп.

Резкие границы, обособлявшие прежде один род от другого, до известной степени сглаживаются и стираются. Иногда трудно решить, имеем ли мы дело с подразделениями одного и того же рода, или же с отдельными родами, связанными действительным или мнимым единством крови, совместностью борьбы, общностью преданий. Но если сравнить мелкие группы австралийских племен с обширными деревнями африканских охотников-земледельцев, с земледельческими селениями Индостана, с израильским родом эпохи патриархов, с огромными ордами кельтов и германцев, гуннов и татар, то будет видно, как расширяются общественные связи по сравнению со связями первобытного человека. Группы, охватывавшие ка-

ких-нибудь 30—50 человек, разрастаются в общества с сотнями и тысячами членов, во временные соединения из нескольких десятков тысяч человек.

5. Развитие идеологии.

Расширение и усложнение производства естественным образом влечет за собою возрастание массы идеологического материала: во-первых, растет разнообразие трудовых актов, выражаемых идеологическими символами—словами-понятиями, во-вторых, усиливается самая потребность в этих символах, как организующих формах, потому что сложнее и труднее становится дело организации общинного труда. Зарождающееся разделение труда приводит к тому, что техника производства дифференцируется, так сказать, одновременно по разным направлениям, хотя процесс этот и происходит с первобытно-стихийной медленностью; и трудовой опыт с течением времени уже не вмещается полностью в рамки каждой отдельной психики, по крайней мере, в рамки обыкновенной зрелой психики,—и тем настоятельнее необходимость в том, чтобы этот опыт был выражен и закреплён идеологически, и мог бы храниться в коллективе по частям, передаваясь от человека к человеку в их словесном общении.

Специальное значение обособляющейся в данную эпоху функции организатора производства, выполняемой обыкновенно старейшим, т.-е. опытейшим членом общины, заключается именно в том, что он концентрирует в себе трудовой опыт своего коллектива, если не во всей полноте, то, по крайней мере, во всем общем и существенном его содержании. По этой причине организатор и оказывается способен устанавливать связь и соотношение различных сторон и частей коллективной работы, распределять труд сообразно с его сложившимся в общине разделением, вообще—вести организаторскую деятельность. Но как для сохранения в своей памяти всех необходимых технических частности, так и для передачи своего запаса знаний своему преемнику, он нуждается в значительно выработанной системе слов-понятий; так же необходима она ему для того, чтобы давать точные инструкции каждому из работников, особенно, если тот будет выполнять свою работу на его глазах, что становится все обычнее с увеличением размеров группы и усложнением трудового процесса. Словом, самая форма организации производства *вынуждает* идеологическое развитие, а глава общины является представителем и носителем этого развития по преимуществу.

Старая система слов-понятий, обозначавших только трудовые акты, делается при таких условиях все более недостаточной, и мало-по-малу, в ряду веков, круг обозначений расширяется,—выделяются названия орудий, материалов труда, имена работников, вообще—символы «предметов», а затем и их жизненно-важных элементов—«свойств».

Переход от идеи «действия» к идее «предмета» или «вещи» отнюдь не представлял резкого идеологического скачка. «Вещь» выступала в мышлении людей первоначально, как устойчивый *комплекс действий*, «с одной стороны—человеческих (т.-е. различных воздействий на предмет), с другой—действий, испытываемых человеком (т.-е. различных воздействий от предмета); в ряду тех и других вместе, «вещь» и определяется, фиксируется в сознании, как их прочное единство, как их постоянная связь. Напр., срубить, как особая «вещь», познавательно объединяет совокупность тех трудовых актов, посредством которых оно сделано, с теми, которые с его помощью выполняются, и со всеми теми действиями, которые оно, в свою очередь, и при его производстве, и при его применении производит на организм самого работника. Какой-нибудь каменный топор концентрирует в себе массу различных трудовых операций: выбора подходящего камня, его отбивания, обтачивания, просверливания, прилаживания рукоятки и т. д. Затем сюда присоединяются те акты, в которых топор и играет собственно роль орудия: срубание ветвей, убивание животных, раскалывание костей и т. под. При каждом ударе топором по твердым телам, он передает руке ударяющего ответный толчок или сотрясение, которые в примитивном мышлении понимаются, благодаря «основной метафоре», как «действия» топора, символизируясь подобно действиям человека.—Таков сложный материал трудового опыта, организующийся в одном слове-понятии, которое служит для обозначения «вещи»—каменного топора. Как видим, весь этот материал представляет из себя *кристаллизованную активность*, прежде всего—*социально-трудовую*, и вслед за нею—активность внешнюю, стихийную, которая мыслится, так сказать, *через посредство* активности социально-трудовой, путем бессознательного уподобления.

Есть все основания думать, что понятия о «вещах» возникли раньше всего именно в виде понятий об «орудиях», тогда, когда *производство орудий* выделилось, как особая отрасль общественной системы труда. «Вещи» могли фиксироваться в мышлении лишь благодаря тому, что само мышление систематически фиксировалось на них в процессе труда, а это соотношение впервые получилось при специализированном производстве орудий. Когда орудие бралось прямо из природы, или когда производство его, будучи элементарно-простым, совершалось в ряду прочих социально-трудовых действий, не дифференцируясь в самостоятельный комплекс, не превращаясь в отдельную специальность особых работников, то орудие не отграничивалось неразвитым сознанием от тех действий, для которых употреблялось, и если выступала необходимость его обозначить, то оно «обозначалось» тем же словом, что и эти действия; следы такого состояния языка еще и теперь сохраняются в наречиях некоторых диких племен; напр., в одном из языков Центральной Африки выражения

такого типа: «нечто резать» (нож), «нечто шить» (игла), и т. п. — Напротив, при специализированном производстве орудий создаются объективные условия для мысленного разъединения самого орудия и его применений: делают орудия одни, а пользуются им чаще всего другие; для первых орудие выступает, как *постоянная цель* определенного, законченного цикла трудовых актов, для вторых — как *необходимое условие* их собственного труда, но такое условие, *за которым надо обращаться* к его производителям. И здесь, и там отдельный символ стал социально-нужен, и он с течением времени вырабатывается, что глубоко преобразует общий строй речи и мышления людей.

Раз уже имеются понятия о вещах-орудиях, дальнейшее развитие символики вещей, в зависимости от расширяющегося трудового опыта, идет несравненно проще и легче. Опорой ему служит, конечно, та же «основная метафора», которая сделала вообще возможным мышление о вне-социальных явлениях, мышление о внешней природе.

Так, на место первобытной диалектики «мира действий» зарождается *статика* «мира вещей». Предложения или суждения распадаются на подлежащее и сказуемое; раньше все они были безличными. Создается строй речи и мысли, сколько-нибудь допускающий перевод на язык современной нам идеологии. Это был гигантский прогресс докультурного человечества. И если для нас идея статике связана с представлением о консервативной тенденции мышления, против которой борется нынешнее научное познание, то по сравнению с «первобытной диалектикой» тут имелось огромное *уменьшение* стихийного консерватизма, *ускорение* темпа развития, — результат расширения того жизненного материала, на который опирается развитие, и возросшего разнообразия форм, с которыми оно оперирует.

Во много раз увеличившееся богатство идеологии уже несовместимо с той бессвязной отрывочностью, которая характеризовала ее зародышевое состояние. Идеология начинает систематизироваться, организоваться; все более дифференцируясь от самого производства, она мало-по-малу приобретает некоторое *собственное строение*, *собственный порядок* и *единство*. От элементарного познания шаг за шагом совершается переход *к мировоззрению*. Основной путь, которым идет этот процесс, заключается в том, что вырабатывается универсальный способ познавательной систематизации — *схема причинности*; и материал познания весь постепенно проходит через нее, перерабатывается ею, делаясь более связным и единым.

Содержание «причинности» образует *постоянная связь явлений, как основа их предвидения*. В предвидении заключается ее огромное техническое, и, вообще, практическое значение, благодаря которому она становится универсальной, и на всем протяжении культурной истории челове-

ства, развиваясь и изменяя свои формы, остается центральным, организующим принципом всякого мировоззрения. Но ее начало просто и элементарно, и лежит в той же социально-трудовой области, из которой исходит вся идеология.

Накопление постоянных связей между фактами в трудовом опыте людей, весьма слабое в эпоху бродячего охотничьего образа жизни, где наибольшую роль играли стихийные случайности, стало гораздо более значительным тогда, когда явились более устойчивые способы борьбы за существование, а именно—земледелие и скотоводство, ослабившие власть случайности над жизнью людей и неразрывно связанные с некоторым предвидением будущего. Объединяющую схему для находимых связей опыта дала производственная организация той эпохи—авторитарная община.

Как было выяснено, мир «вещей» еще только начинал складываться в ту эпоху, и природа в мышлении людей представлялась, по преимуществу, как мир действий—человеческих социально-трудовых, и затем действий нечеловеческих, внесоциальных, но *понимаемых по типу человечески социальных действий*, в силу основной метафоры. И между различными действиями познание устанавливало в ряду веков те постоянные соотношения, которые послужили зародышем причинности. Где же нашло оно раньше всего такие соотношения?

Если постоянная последовательность двух действий наблюдается у одного и того же лица, как напр., натягивание и спускание тетивы лука, то здесь еще не из чего соизмеряться схеме причинности; оба действия составляют просто один трудовой комплекс, и их связь, выраженная в понятиях, есть только элементарное техническое правило. Тот момент *противопоставления* двух актов, как «причины» и «следствия», который обязательно имеется в причинной схеме, здесь отсутствует. Он осуществляется в том случае, если отношение постоянной последовательности соединяет действия *двух различных людей*. А это бывает именно тогда, и только тогда, когда одно из них является *организаторским*, другое—соответственным *исполнительским*. Лишь в этом случае связь действительно постоянная, и первое вполне определяет собою второе, т.-е. «причина»—«следствие». Во всех иных случаях, где в процессе труда или борьбы тесно сплетаются человеческие действия, их соотношение не обладает характером устойчивости и необходимости,—на тот или иной акт человека А, сотрудника или врага, но не организатора, человек В может реагировать различно, смотря по обстоятельствам. Таким образом, первоначально связь причинности в мышлении людей была просто выражением определенной формы сотрудничества—авторитарного разделения труда.

Благодаря основной метафоре, явления внешней природы мыслились посредством понятий, относившихся, по первичному и точному своему смыслу, к деятельности людей, и есте-

ственно, что они мыслились *в тех же формах*, как эта действительность,—так что и постоянная связь внешних явлений представлялась, как постоянная связь человеческих трудовых актов. Этим путем раз возникающая схема причинности стала универсальной, сохраняя свой авторитарный характер. Привычная последовательность двух явлений усваивалась в таком виде, что одно из них вызывает и определяет другое, как указание или приказание организатора вызывает и определяет поступки исполнителя.

Следы этой концепции удержались в очень большом количестве и в народной поэзии разных племен, где причина того или иного ряда явлений часто олицетворяется в виде их специального повелителя, и еще более—в их мифологии, культе, религиозной традиции. Организаторский акт воплощается чаще в *словесных* указаниях (лишь иногда—в действии, которым подается пример исполнителям, или в заменяющих слова жестах). Поэтому для слова роль «причины», так сказать, особенно типична в эпоху зарождения причинности,—и отсюда возникли свойственные всем племенам и народам на ранних ступенях культуры идеи *магизма*, власти заклинаний и других словесных формул над явлениями природы, предания о сотворении вещей и управлении ими посредством простых приказаний со стороны верховного авторитета, и т. п. Все эти факты ясно вскрывают сущность причинной концепции в ее первой, авторитарной стадии.

Мы видим, что в этой фазе «причинность» вполне фетишистична, *отношения вещей* она представляет, как *отношения людей*. Таков именно авторитарный фетишизм, который обыкновенно называют «натуральным фетишизмом». Он зарождается уже в основной метафоре, которая действия вещей мыслит символами, относящимися к деятельности людей. Но форму! мировоззрения он получает тогда, когда возникает мировоззрение вообще, т.-е. с развитием и распространением на «мир», на весь трудовой опыт, схемы причинности.

И, несмотря на свою фетишистическую оболочку, эта схема приобретает громадное значение для социально-трудового процесса, как форма предвидения, как опора всякой планомерной техники, всякой сознательно-целесообразной деятельности. Тем самым она все более укрепляется и становится прочнейшим, постоянно действующим механизмом в системе мышления; всякий материал опыта, попадающий в этот механизм, как-бы автоматически им приводится в тот именно вид, который соответствует схеме, т.-е. дробится на активно-организаторский и пассивно-исполнительский моменты, раздваивается по этой линии. Напр., в реально-нераздельном комплексе, каким является солнце с его светом и теплотой, солнце обособляется, как причина, свет и теплота — как вызываемые им следствия, и т. п. А когда самый материал не поддается такому раздвоению, не заключает в себе непосредственно таких частей, которые могли бы быть

сопоставлены по привычной схеме, тогда он подвергается иному преобразованию, приводящему к той же схеме, а именно—мысленному удвоению. Это—явление, по своей широте и общности играющее также огромную роль в мировоззрении изучаемого периода: *анимистическое удвоение вещей*, ведущее к универсальному дуализму.

Хотя авторитарная организация труда и господствует в эту эпоху над социальной системой в ее целом, тем не менее, даже процесса производства она не может охватывать полностью, во всех его частностях и деталях. Руководство организатора не может сопровождать каждого исполнителя во все моменты его работы, и нередко он вынужден здесь сам брать на себя инициативу своих действий,—замещать для себя своего организатора. Еще более это обычно и неизбежно во всей той деятельности человека, которая не относится прямо к социально-трудовому процессу, напр., удовлетворение его личных потребностей, забава и т. под. В подобных случаях «причиной» действий отдельного человека является он сам. По отношению к внешним явлениям и вещам неразвитое познание часто также не находит специальных видимых причин, и тогда опять-таки оно автоматически принимает эти причины в самих же данных явлениях и вещах. Следовательно, одно и то же явление или вещь в мышлении выступает дважды: как причина и как следствие, как нечто активно-властное и как нечто пассивно-подчиненное; оно удваивается идеологически, познается в двух различных понятиях; а для примитивного мышления это и означает—находить в данном явлении, в данной вещи — две различных вещи: мысленное удвоение для него не отличается от реальной двойственности. Что получается тогда из схемы причинности?

Получается идеологическая форма, называемая «анимизмом». К реальной вещи присоединяется скрытый за нею ее двойник, называемый ее «душою» и играющий роль активного ее начала, авторитарной причины ее изменений, движений, вообще, «проявлений». И это удвоение, универсальное почти в такой же мере, как породившая его концепция причинности, охватывает весь мир «вещей».

Что «души» были первоначально простыми двойниками соответственных «тел», обладая всеми чувственными их свойствами и отличаясь только своей функцией,—о том свидетельствуют грубо-материалистические представления о «душе», до сих пор сохранившиеся у наиболее отсталых диких племен. «Одухотворение» душ, их дематериализация есть продукт последующих ступеней культуры, результат собственного развития анимистических форм, непрерывно, хотя и медленно, их преобразовывавшего с того самого времени, как «души» познавательным образом отделились от «тел». Точно так же была продуктом дальнейшего развития и утрата «душ» большин-

ством тел природы—создание обширнейшей группы «неодушевленных предметов».

Анимизм послужил исходной точкой более полной и более глубокой систематизации мировоззрения авторитарной эпохи—его развития в различные *религии*.

По мере расширения и углубления трудового опыта, постоянные связи явлений, познаваемые в форме причинных связей, разворачиваются во все более длинные цепи: явление А «вызывается» явлением В, а это, в свою очередь, есть следствие С, которое опять-таки имеет свою причину—D, и т. д. Благодаря ограниченности и слабости познания, каждая такая цепь обрывается на каком-нибудь звене, для которого дальнейшей причины в опыте найти уже не удастся. В изучаемую эпоху, согласно упрочившейся логике анимизма, в этом пункте выступает на сцену причина «духовная», прибавляемая к последнему найденному звену. Но процесс бессознательного творчества, свойственного авторитарному мышлению, на этом не останавливается.

Концепция причинности, возникшая, как отражение определенного типа сотрудничества, и далее, естественным образом, продолжает отражать на себе историческое развитие этого типа. В авторитарных общинах, а затем в их племенных союзах, с течением времени организаторская функция распределяется между разными лицами, причем создается цепь организаторов, тяготеющая к какому-нибудь общему главе и руководителю. Эту реальную схему объединенного в одном центре сотрудничества и повторяет фетишистическое мышление, стихийно и неизбежно, после того, как оно вышло за пределы непосредственного опыта и создало причины анимистические, «духовные». Именно, эти последние, как фиктивные организаторы той или иной цепи явлений, в свою очередь подчиняются объединяющим их высшим организаторам—«духовным» причинам высшего порядка; те могут сводиться к еще высшим; и, наконец, в этой линии развития может возникнуть последняя или верховная причина—всеобщий организатор и властитель. — Всё развитие авторитарно-причинных цепей в надопытной области и составляет сущность *религиозного* мировоззрения, а высшие причины, стоящие над «душами» отдельных вещей, являются «божествами» различных порядков.

Исторически, религия зарождается из *культы предков-организаторов*. Каждый последующий патриарх признавал авторитетом для себя предыдущего, которому привык в свое время повиноваться; высоко ставя его над собою, он такое отношение передавал и своим преемникам, которые, между тем, привыкли видеть авторитет в нем самом. Благодаря этому, происходило своеобразное накопление авторитета: в родовых и племенных преданиях древние патриархи и вожди поднимались все выше и выше над живущими людьми, и превращались мало-по-малу в божества, а потому к этим родовым и пле-

менным божествам сходились в народном творчестве и вне-социальные цепи причинности: из источника (родовой и племенной жизни) божество становилось также высшей причиной или «повелителем» какого-нибудь цикла явлений, а то даже и всех явлений вообще.

В религиозных схемах, восходящих к последним (или «первым») причинам и точно отражающих авторитарную общественную организацию, всего лучше и очевиднее раскрывается генезис и смысл самой авторитарной причинности. Но не в этом, конечно, заключалось реальное жизненное значение религиозных схем, которое было огромно, и на котором основывалась их величайшая устойчивость. Оно состояло в том, что религия была *универсальной организацией опыта*. Расбросанный, отрывочный, полный пробелов материал опыта она собирала и спаивала в одно стройное целое, которое, благодаря своей связности, могло несравненно прочнее и легче сохраняться в памяти людей, несравненно удобнее и проще передаваться от человека к человеку, от поколения к поколению, чем если бы накопленные практические знания оставались сами по себе, без этой объединяющей идеологической организации. О том, насколько экономизируется энергия познающего при приведении разрозненных знаний в систему, легко составит себе понятие тот, кто попробует, запомнить несколько десятков отдельных фраз, несвязанных между собою, и сравнит потраченные усилия с тем, что требуется, чтобы заучить цельный рассказ такого же объема. И, конечно, наибольшая экономия мышления достигается именно тогда, когда способ организации опыта есть, перенесенный в познание, привычный способ практической организации труда.

С религиозным мировоззрением неразрывно связывается другая область идеологии — область социальных норм, которая также неизбежно расширяется и усложняется в своем содержании с возрастанием сложности трудовых отношений общины. Обычай, первоначально существующие в родовой общине, как *заветы предков*, затем, по мере развития культа предков, а из него — собственно религии, переходят, естественным образом, в повеления религиозных авторитетов, в выражение воли богов. Приняв такую форму, обычай отчасти уже тем самым отрывается в мышлении людей от жизни и непосредственной практики родового коллектива, и приобретает окраску внешней силы, тяготеющей над людьми и требующей их безусловного повиновения. Но все это еще только отчасти, так как сами божества остаются еще в близкой и тесной связи с социально-трудовой системой, как ее верховные сотрудники-организаторы. В то же время их власть и сила служат могучей санкцией и охраной норм обычая; и те же самые «первопричины», божества, которые придают единство и стройность познавательной системе идеологии, выступают, как организующие центры для идеологии нормативной,

придавая огромную прочность и связность всему миропониманию эпохи.

Но эта прочность и связность соединяются с глубокой *консервативной* тенденцией. Если непосредственный, так сказать, «зоологический» консерватизм жизни и значительно ослабел по сравнению с предыдущей эпохой, то самое *строение* всей идеологии было антипрогрессивным. Таково по существу авторитарное мышление, и иным быть не может.

В самом деле, функция организатора во всякой трудовой системе есть распределение сил, прежде всего; и это—очень трудная задача, требующая полного и ясного учета потребностей системы, с одной стороны, трудовой энергии и способностей работников—с другой стороны; тяжело и медленно вырабатывается в развитии общины определенный способ разрешения задачи, дающий твердую опору организатору в его деятельности. Всякое техническое новшество *нарушает* этот сложившийся способ распределения сил: оно увеличивает производительность труда в одном пункте его организации, так что там освобождается некоторая сумма трудовой энергии; но оно увеличивает ее затраты, хотя бы и в меньшей степени, в других пунктах, и возникает необходимость в *перераспределении* сил, т. е. самая сложная и утомительная задача вновь ложится на организатора. Напр., новое орудие повышает успешность, положим, земледельческого труда; но оно само должно быть произведено для этого, на что требуется затрата труда других работников, и, кроме того, может потребоваться изменение тех инструментов, которыми обыкновенно делаются орудия; и затем, все это, и самое применение нового орудия и изменения в производстве инструментов предполагают еще некоторую сумму усилий, употребленную на обучение различных работников новым или измененным трудовым операциям. Все установившееся равновесие трудовой организации колеблется, и организатору приходится восстанавливать его работою своего, еще сильно-консервативного по самому строению, мозга. Понятно, какое отношение к себе должны встречать всякие технические преобразования,—а значит, и всякие иные экономические и идейные, которые только из них же исходят.

Именно в идеологии эта консервативная тенденция получает свое полное, законченное выражение. Технические правила и нормы обычая, которые прямо служат регулирующими, организующими формами для трудового процесса, и различные общие верования, которые образуют идеологическую связь для этих знаний и обычаев,—все рассматривается, как «заветы предков», а затем—как «веления богов», все освящается и закрепляется авторитарным фетишизмом.

Реальный консерватизм жизни гораздо меньше, чем в предыдущем периоде, но он остается огромным по сравнению со всем тем, что современные люди способны все представить на основании своего опыта. Изменялся характер консерватизма,

его форма. Прежде всякое усовершенствование, всякое новшество, все необычное, при своем появлении воспринималось, как уродство, как нечто неестественное и потому страшное. Теперь оно рассматривается, как «преступление» авторитарных заветов, как нарушение высшей властной воли, навлекающее гнев ее на самого нарушителя и на весь род его (миф о Прометее—поэтическая схема этой точки зрения). — Результат же тот, что, хотя скорость общественного развития и более значительна, чем была раньше, но ход его остается по-прежнему *стихийным*.

Идеологический консерватизм противодействует прогрессивной тенденции во всех областях жизни, и нужны стихийные силы, чтобы преодолевать его мало-по-малу. Это делается, как и раньше, *абсолютным перенаселением*, но также и новыми силами, которые возникают из зарождающегося в ту эпоху обмена.

6. Зарождение и развитие обмена. — Возникновение собственности.

Необходимой предпосылкой возникновения и развития обмена служит такая степень производительности труда, при которой прибавочный продукт представляет более или менее постоянное явление. Пока родовая община производит лишь безусловно необходимое для удовлетворения ее текущих потребностей, пока у нее нет излишков и отсутствует хотя бы зародышевая форма запасов, обмен не может возникнуть.

Но и развития прибавочного труда еще недостаточно для того, чтобы развился обмен. Обмен предполагает, что друг другу противостоят два единичных или коллективных собственника разнородных предметов. Обмен одинаковыми предметами может иметь символическое значение, но оно мало интересует экономическую науку. Обмен предметами, которые никому не принадлежат, как вода или воздух, не имел бы смысла.

Для Руссо «гражданское» общество, т. е. буржуазное, меновое общество, начинается как раз с установления собственности. «Тот первый человек, который, огородив участок земли, дерзнул сказать: «это мое», и нашел людей, достаточно простодушных для того, чтобы они поверили ему, был истинным основателем гражданского общества».

Теоретики естественного права с самого начала отнесли право собственности к числу тех «вечных, неотчуждаемых прав, с которыми рождается человек».

Для вульгарной политической экономии чувства, страсти и инстинкты собственника так же врожденные человеку, так же естественны, — т. е., представляют продукт природы, а не истории, — как чувства жажды и голода.

Наделив первобытного человека всеми свойствами современного собственника, вульгарный экономист уже не вы-

ждается в дальнейших объяснениях того, как развивался обмен. И обмен, и общественное разделение труда появляются для него одновременно с появлением на земле человека или, по меньшей мере, с возникновением общества.

Для новейших вульгарных экономистов человеческая история, человеческое хозяйство начинается лишь с той эпохи, когда развиваются отношения собственности и общественного разделения труда, а вместе с тем и меновые отношения. Весь период до этой эпохи лежит вне истории, он может интересовать только естественные науки. Человек до этой эпохи—«дообщественный», «доисторический», «безисторический», «безхозяйственный» человек.

Но такое объяснение зарождения обмена—то же, что полный отказ от объяснения. Разделение народов и периодов на «историческое», с одной стороны и «доисторические» или «безысторические», с другой, необходимо оставить. Для науки между «доисторическим» и «историческим» периодами нет перерыва. Отношения так называемых доисторических народов связываются для нее в непрерывный ряд с развитыми историческими отношениями. «Доисторический» или «безысторический» быт, это—лишь одна из стадий, через которые прошли в своем развитии и все «исторические» народы.

Конечно, развитой обмен предполагает известное развитие собственности и общественного разделения труда. Но столь же ясно и несомненно, что сколько-нибудь глубокое общественное разделение труда немыслимо без широких меновых отношений и что право собственности лишь с развитием обмена может пойти дальше зародышевых форм, если только последние, вообще, возникают до обмена и без обмена.

Получается как-будто неразрешимое противоречие: для возникновения обмена необходимо существование права собственности и общественного разделения труда; но и право собственности, и общественное разделение труда при отсутствии обмена, в свою очередь, не могут развиваться.

Противоречие возникает только для исследователя, который берет готовые результаты длительного процесса развития и, как долгое время делала буржуазная политическая экономия, занимается только развитыми отношениями менового, капиталистического общества. В самом процессе развития,—в истории, этим противоречиям не было места.

Еще в XVIII и даже в XIX веке путешественники открывали целые дикие племена с полным отсутствием обмена и общественного (межродового или межплеменного) разделения труда. Отдельные родовые группы в экономическом отношении были вполне обособленными, самодовлеющими единицами,—все свои потребности удовлетворяли исключительно продуктами собственного производства.

Частной собственности тоже не было внутри таких групп. Добыча потреблялась сообща. Жилища и даже орудия являлись предметами общего пользования. Утварь и украшения принадлежали безраздельно всей группе, а не отдельным членам,—«принадлежали» в том же значении слова, в каком и каждый член «принадлежал» той же группе, т. е. существовал с нею и в ней.

Война была первоначально самой обычной формой отношений между соседними группами. Группа-победительница уничтожала побежденных, захватывала их запасы и орудия.

Война—это полная противоположность обмена, который в развитой своей форме предполагает, что обе стороны дают друг другу предметы одинаковой для них стоимости. Война означает, напротив, одностороннее завладение, вытекающее из полного уничтожения другой стороны. Тем не менее уже война отчасти сопровождается явлениями, которые, как элементы, входят потом и в двусторонний обмен. Благодаря столкновениям, каждый род начинает смотреть на занимаемую им территорию, как на *свою* территорию. Благодаря войне, у рода-победителя появляются предметы, которые раньше принадлежали побежденным, а потом, если переменится счастье, будут принадлежать новым победителям. Так возникают зародышевые формы коллективной, групповой собственности, так развивается первичное понятие собственности, которое не могло бы зародиться, если бы группа оставалась абсолютно замкнутой, изолированной, если бы она не противопоставлялась другим группам. В этом противопоставлении—первые шаги ее развития в «субъект» известных прав в том числе и права собственности.

Но этого мало. Война, как и настоящий обмен, равносильна для рода-победителя увеличению разнообразия его производства. К продуктам, которые производятся им самим, присоединяются продукты, которые произведены побежденными. Это дает толчок возникновению и росту новых потребностей.

Переходя, благодаря изменчивости военного счастья, от одного рода к другому, отдельные предметы могли уже в древнейший период истории человечества удалиться на огромные расстояния от места их производства: напр., нефритовые топоры (в Америке) и янтарные украшения за тысячи верст от местонахождения нефрита и от Балтийского моря.

На этом основании некоторые новейшие исследователи конструировали развитую торговлю—с обширными караванами, с купцами в качестве специальной профессии для такой отдаленной эпохи, когда необходимые предпосылки ее развития совершенно отсутствовали. Для них человек, едва лишь возвысившись над чисто зоологическим существованием, уже превращается в современного продавца-покупателя.

хозяйство которого тысячами птиц связано с развитым рынком ¹⁾.

Рост производительности общественного труда вел за собою увеличение территориальной емкости, более тесное расселение или размещение отдельных родов. Он делал возможными более близкие, соседские отношения между родами, он делал невозможным состояние постоянной истребительной войны между ними. Постепенно вырабатывается ряд символических действий, которые должны показать, что обеим сторонам чужды враждебные замыслы. Представители одной стороны предлагают другой подарки, в первую очередь протягивают оружие. Если та не принимает их, — начинается битва. Если она отвечает подарками, это означает, что между родами устанавливаются мирные отношения. При первых встречах подарки с обеих сторон вполне случайны; но в дальнейшем, по мере возрастания устойчивости мирных отношений, выступают переговоры, обсуждения и соглашения относительно выбора подарков: каждый род старается получить от другой стороны то, что в особенности привлекает его внимание, что представляется ему наиболее необходимым, и чего у него до сих пор не было. Затем обсуждение касается и количества подарков. Явление приобретает новый смысл, подарки мало-помалу эволюционируют в товары.

Лишь с величайшей медленностью символическое значение обмена подарками отступает на задний план перед собственно меновым, экономическим значением этого акта. Торговля израильских и египетских, вавилонских и ассирийских царей и даже римской знати в эпоху Империи все еще старается сохранять эту внешне-благоприличную оболочку, хотя по своему внутреннему содержанию она уже решительно перерастает ее. Отношение одностороннего насильственного захвата, — напр., платеж дани в древней русской и в библейской истории, — тоже замаскировываются в оболочку обмена подарками.

¹⁾ Вот небольшая цитата, которая в ясной, популярной, необдуманно-простодушной форме и в сконцентрированном виде дает результаты, раскрываемые в ряде новейших „ученых исследований“, но выраженные в осторожно-взвешенных, более или менее запутанных положениях. Это нам является самой древней и мощной пружиной, выступающей в истории развития человечества... Эгоизм с первобытных времен направил первое вожделение человека к собственности и пробудил в нем злое желание отнять у своего ближнего вещи, составлявшие предмет его зависти и удивления... Дальнейшее средство овладеть собственностью других, являвшейся предметом зависти, дал обмен. Непосредственный обмен представляет древнейшую форму торговли и уже в доисторические времена приобрел характер настоящей мировой торговли. Дальше следуют указания: находки во Франции рядом с остатками первобытного человека, современника мамонта, — предметов из Египта и русской равнины, также же удивительные находки в С. Америке. M. G. Schmidt *Geschicht des Welthandels*, 1906. В дальнейшем нам не раз придется возвращаться к сходным явлениям. Им вполне чужд, напр. даже Э. Мейер.

От прежнего мирного хотя бы и временного сближения родов, начинающегося с момента обмена подарками, надолго остается и сохраняется обычай гостеприимства. Род принимает в свой состав члена другого рода, но принимает только на время и только для того, чтобы дать отдохнуть, снабдить всем необходимым для дороги, обеспечить безопасность на своей территории. На этом оканчиваются его обязательства по отношению к путнику. Но и этого достаточно для того, чтобы сделать возможным меновые отношения между отдаленными родами. Недаром не только на русском и на немецком, но и на некоторых других языках купцы назывались «гостями».

По мере того, как меновые отношения приобретают все большую важность для существования обособленных групп, они в процессе своего развития создают целый ряд обрядностей и обычаев, делающих возможным временное сближение враждебных сторон. В символических действиях, сопровождающих обмен, долгое время сохраняется воспоминание о внутреннем родстве войны и обмена, захвата и торговли, о внешнем, формальном сходстве первоначального обмена с дарением.

Такова была торговля древних финикиян с дикими племенами северной и северо-западной Африки. Высадившись на берег, финикияне раскладывали кучками стеклянные бусы и другие украшения, пурпурные ткани и прочие предметы своей торговли разводили огромный костер и отъезжали на почтительное расстояние. Туземцы собирались на дым, осматривали товары и, оставив около жемчужных для них предметов кучки золота по своей оценке, удалялись от берега. Возвратившись, финикияне забирали товары, на которые не оказалось покупателей, и кучки золота, которые представляли достаточную цену за товар, они опять отъезжали, опять приходили туземцы, забирали купленные товары, отказывались от покупки других, повышали оценку третьих. Таким образом, обе стороны *торговались* друг с другом. Торг каждую минуту мог превратиться в грабеж, если финикияне считали целесообразным и возможным устроить засаду.

Островитянские племена Тихого океана, встречаясь с равносильными противниками, протягивают друг другу подарки на концах копий. Торг по малейшему поводу быстро превращается в битву. При встрече со слабым противником с самого начала вспыхивает борьба.

Как бы часто обмен ни прерывался вспышками прежней родовой исключительности, он все же развивался, и его обычным местом были пограничные области, лежащие между территориями соседних родов. По мере того, как роль обмена растет, эти области превращаются в нейтральные территории, на которых встречаются обменивающиеся. На протяжении многих веков нейтралитет развивается из вооруженного, — из преходящего перерыва постоянной войны, — в бо-

более прочный, строго соблюдаемый нейтралитет. Сначала роды встречаются в пограничных областях вооруженные, вполне готовые к битве, так как никто не знает, чем встреча кончится и даже начнется: мирным обменом или же битвой? Впоследствии устанавливается обычай поддерживать мир на определенное время, напр. в известные дни года от восхода до захода солнца. Как только истекает это время, обмен уступает место открытому, беспощадному грабежу.

Таково в главных чертах развитие внешних форм и приемов обмена. В основе его лежат постепенные изменения внутреннего содержания и экономического значения обмена для существования родов.

Пока производительность труда не повысилась настолько, что сделались возможными крупные запасы и значительное накопление сокровищ, пока обмен не достиг известного уровня развития, война не может играть сколько-нибудь выдающейся роли в качестве особого вида производственной деятельности. Главной основой существования родов остается их собственное мирное производство: военная добыча дает лишь случайное подспорье к обычным предметам потребления, организатор не считается с ней в своих хозяйственных планах. Основная задача войны чаще всего вытеснение и уничтожение противника. Добыча — лишь ее случайный и неглавный результат. Получается знакомство с предметами, которыми обладал побежденный. Но этого еще недостаточно для того, чтобы род-победитель сделал войну своим главным занятием. Для этого требуются более сильные и широкие побуждения, которые порождает только сравнительно широкий и постоянный обмен.

Обмен подарками на первых порах тоже не имеет особого непосредственно-экономического значения. Один род, встретившись с другим, предлагает ему кремневый топор и получает ответный подарок: два копы с железными наконечниками. Этим актом и заканчиваются экономические отношения между двумя родами. Совершившийся акт можно выразить в следующей формуле:

1 топор — двум копиям,

Топор случайно оказался не просто продуктом, т.е. предметом, произведенным непосредственно для собственного потребления, а товаром, т.е. продуктом, который, в конце концов, принес пользу данному роду не тем, что он топор, что им можно сражаться с противником, а тем, что за него удалось получить другие предметы. Стоимость его для воюющего рода заключалась и выразилась в момент обмена не в том, что им можно было рубить, а в том, что он принес два копы. Коротко говоря, стоимость топора выразилась в 2 копиях, которые и составили для данного случая меновую стоимость топора.

Для другой общины акт представляется в обратном виде. Она из 2 копья получила топор. В данный момент копьа, как оружие, были не важны для нее. Сражаться она не хотела. Если бы в данном случае копьа пришлось применить тем способом, для которого они вообще производятся, это обόрчило всех ее членов. Другими словами, обычный способ применения копий или их *потребительная стоимость*, как оружие, в данный момент совершенно не существовала для второй общины. Их «потребительная стоимость» заключалась только в том, что на них можно было получить ответный подарок, топор. Копья оказались полезными не как оружие, а как *товар*, как *предмет обмена*. Их стоимость нашла себе выражение в формуле.

2 копьа—1 топор.

Величина их стоимости выразилась в том, что два копьа принесли один топор.

Перейдя в акте обмена из одного рода в другой, 1 топор и 2 копьа находят себе применение, становятся потребительными стоимостями уже как топор и копьа, как оружие. Это выступит немедленно и с полной наглядностью, если за мирной встречей непосредственно последуют ссора и кровопролитная битва. Тогда каждый род на самом себе почувствует потребительную стоимость произведенного им самим и отданного другому роду оружия.

В описанной меновой сделке все случайно и единично. Случаен мирный характер первой встречи двух родов. Случайно, следовательно, то обстоятельство, что топор и копьа выступают непосредственно, как товар, как предметы обменного дарения, а не как собственно оружие. Случайны, наконец, те пропорции, в которых обменены друг на друга товары. На рассматриваемой ступени развития для обоих родов важны не пропорции, в которых совершается обмен, а самый факт обмена, его символическое значение.

В виду всего этого, рассмотренная примитивная форма обмена подарками называется *простой, единичной* или *случайной* формой обмена.

Пробив первые бреши в первоначально замкнутом родовом хозяйстве, обмен не останавливается на этом. Мирные встречи, раньше редкое исключение, становятся обычным явлением. Легче всего завязываются меновые отношения в тех случаях, когда роды, неутратившие воспоминаний о своем родстве, расселяются на довольно обширном пространстве, и только некоторые из них остаются около местонахождений привычных предметов потребления. Родовая группа, встречая чуждые роды, которые в своих блужданиях соприкасаются с ее территорией, совершенно естественно предлагает в подарок такие предметы, которыми наиболее богата ее область и которые наиболее охотно берут встречные роды. Взаимный

обмен подарками может приобрести периодический характер. Один род начинает снабжать этими предметами другие роды и получать в обмен самые разнообразные предметы своего собственного потребления.

Таким образом, роды, жившие около озера Эри, выменивали необходимые для них продукты на медь, мексиканские роды—на обсидиан, германские роды, жившие около Балтийского моря,—на янтарь и т. д. Для этих родов обмен становился более однообразным: встречаясь все с новыми и новыми родами, они предлагали в качестве подарка неизменно один и тот же предмет,—только разные его экземпляры и в разных количествах. Следовательно, новые меновые отношения между родами можно выразить в такой формуле:

10 золотников янтара—	1 топору
	5 стрелам
	2 копиям
	1 связке стеклянных бус
	2 глиняным сосудам
	и т. д.

На первый взгляд кажется, что различие между этой и предыдущей формулой, а также между отношениями, которые они выражают, чисто количественное. В первом случае был один акт обмена, оставшийся единичным; здесь—5, 6, неопределенный ряд повторных меновых актов. В действительности различие формул не исчерпывается количественной стороной.

Новая формула означает: при своих последовательных встречах с различными родами данный род получал от них за 10 зол. янтара 1 топор, 5 стрел и т. д. Янтарь оказался для него предметом, на который вообще можно выменивать различные другие предметы. Каждые 10 зол. янтара, которыми располагает род, стоят столько же, сколько 1 топор, 2 копия. *Меновая стоимость* одного и того же количества янтара, способность его посредством обмена добыть для рода различные необходимые для него другие предметы, или потребительные стоимости, нашла и находит себе выражение в различных количествах этих разнообразных предметов.

Для того, чтобы янтарь приобрел такое значение, необходимо, чтобы он уже раньше сделался обычным предметом потребления в пределах данного рода. Последний производил, добывал янтарь, как предмет украшения, для благовоющих курений и т. д. Известная сумма труда затрачивалась родом на отыскание янтара, который служил определенным потребностям, именно, как янтарь.

Новая формула обмена служит выражением того факта, что роль янтара изменилась. Он попрежнему добывается для непосредственных потребностей данной общины в янтаре, следовательно, сохраняет для нее свою потребительную стоимость, благодаря своим физическим свойствам: цвету, блеску,

прозрачности, аромату, пригодности для обработки. Но в актах обмена он приобретает еще и особую, новую потребительную стоимость: способность обмениваться на продукты, производимые соседними родами, доставлять своим владельцам топоры, стрелы, копья, ткани. К его физическим свойствам присоединяется это новое, общественное свойство, возникшее и развивающееся в актах обмена, в зачаточных формах общественных отношений между родами: свойство быть меновой стоимостью.

Зарождающиеся меновые отношения между родами выражают собою глубокие перемены в производственных отношениях этих родов и, в первую очередь, того, который добывает янтарь. Янтарь начинает добываться не только за его физические свойства, но также из-за нового общественного свойства: из-за его способности обмениваться на другие предметы, из-за того, что его производство все чаще может практически замещать собственное производство одежды, оружия, утвари. Чем чаще янтарь играет роль товара, обменивается на другие продукты, тем более расширяется его производство и тем больше относительно сокращается производство этих других продуктов. В конце-концов, род уже сознательно увеличивает количество рабочих сил, занятых добыванием янтара и производством из него различных предметов.

Таким образом, новая формула служит выражением возникающего *общественного, в данном случае межродового или межплеменного, разделения труда*, т. е. разделения труда между группами, которые, в общем, сохраняют свою самостоятельность и обособленность и связаны лишь меновыми отношениями. Пока акты обмена оставались случайными, единичными, каждый род сам производил все необходимое для себя. Теперь для отдельных родов становится возможным более развить определенную отрасль производства и удовлетворять потребность в продуктах других отраслей посредством обмена с соседними родами. Эта возможность отчасти и осуществляется уже на рассматриваемой ступени развития. У одних родов, в зависимости от естественных условий, развивается производство каменного оружия, у других — гончарное производство; местонахождения металлов становятся центрами кузнечного производства; охотничьи роды выменивают необходимые для них предметы на меха и роговые изделия; скотоводческие — преимущественно на кожи и шкуры, ковры и циновки.

Преобразование продукта в товар сделало некоторый шаг вперед по сравнению с предыдущей ступенью. Там совершенно случайно тот, а не другой предмет, — напр., каменный топор, а не роговое украшение, — фигурировал в качестве подарка, зародышевой формы товара; он представлял, в сущности, вычет из той суммы потребительных стоимостей, топоров, которые были необходимы для самих первоначальных владельцев этого топора. На новой ступени обмена, иллю-

сгруппированной примером рода, добывающего янтарь, превращения янтаря в товар приобретает более регулярный характер, оно не случайно, янтарь начинают добывать отчасти именно для того, чтобы выменивать на него другие продукты; янтарь-товар представляет избыток над тем количеством янтаря—потребительных стоимостей, которое необходимо для самого рода, инициатора обмена.

Однако все это свидетельствует о переменах в производственных отношениях преимущественно одной родовой общины,—той, которая добывает янтарь, а не тех, с которыми она обменивается. Только для первой обмен развивается в процесс, состоящий из бесконечного ряда звеньев. Только янтарь выражает свою стоимость неопределенное число раз и в неопределенном числе других предметов. Для остальных общин обмен—попрежнему случайный, единичный акт; для той или иной из них сегодня топор превратился в товар, выразил свою стоимость в янтаре, а потом, быть может через много месяцев, то же самое повторится с коньями; при встрече с новыми родами в обмен за топор будут получены стеклянные бусы. Словом, для остальных родов сохраняются в полной силе отношения, характеризующиеся первой формой обмена. Новая—*полная или развернутая* форма обмена—существует лишь для одной родовой группы,—в нашем примере для производящей янтарь.

Известные, более или менее устойчивые пропорции, в которых обмениваются предметы один на другой, вырабатываются в процессе обмена только для этой группы. На янтарь она выменивает предметы, которые производятся также и ее собственными рабочими силами. На производство каменного топора, напр., требуется 2-месячный труд одного работника и столько же затрачивается на добывание 10 зол. янтаря. Этим определяется минимальная пропорция, ниже которой община не может спускаться, потому что иначе ее труда не хватило бы на удовлетворение ее потребностей и не было бы экономического смысла выменивать топоры на янтарь, а не самой производить их. Так как она—единственная производительница янтаря и так как она сталкивается с целым рядом групп, от которых можно получить топоры, то у нее есть сила установить такую пропорцию. Раз установившись, определенные пропорции продолжают служить регулятором меновых сделок и после того, как собственное производство топоров сократится у данной общины до полного исчезновения. Разумеется, все это возможно лишь постольку, поскольку символическое значение обмена подарками отступает на задний план перед его экономическим содержанием,—т.-е. все это предполагает более или менее глубокие перемены в производственных отношениях общины.

Остальные общины незнакомы с условиями добывания янтаря. Обмен для них—случайный, единичный акт. Янтарь, который для первой общины уже далеко ушел в своем превращении в товар, для них еще не окончательно утратил перво-

начальное значение подарка. По всем этим причинам, он — пассивная сторона при установлении меновых пропорций. Последние диктуются первым родом. Акты обмена часто отклоняются для него в благоприятную сторону от нормальной пропорции: 10 зол. янтаря = 1 топору. Эта норма остается регулятором только для самих производителей янтаря и, главным образом, именно, как нисший предел его меновой стоимости.

Меновая деятельность рода, добывающего янтарь, с течением времени оказывает глубокое влияние на роды, живущие в непосредственном и длительном соседстве с ним. В учащающихся меновых актах с первым родом их собственные продукты неизменно выражают свою стоимость все в одном и том же товаре: в янтаре. Для них 1 топор, 5 стрел, 2 копья и т. д. каждый раз оказываются равными известному количеству янтаря.

Совершенно естественно, что другие родовые общины, соприкасающиеся не с самими производителями янтаря, а с их непосредственными соседями, тоже получают в обмен за свои подарки янтарь; по всей вероятности, именно из-за янтаря и завязываются между ними мирные отношения. Мирный способ получения янтаря, — сменяющийся иногда простым грабежом, — мало-по-малу приобретает все более устойчивый и регулярный характер. Обыкновение выражать стоимость продуктов в янтаре, т. е. выменивать янтарь на свои избыточные продукты, распространяется шире, на новые роды.

Так шаг за шагом янтарь превращается во всеобщую меру стоимости для родов, занимающих сравнительно обширную территорию. Непосредственный обмен все более утрачивает свое прежнее исключительное значение. И если даже он сохраняется, то обмен на янтарь все же вторгается в качестве посредствующего звена в те соображения, которыми руководствуются стороны при определении пропорции обмениваемых продуктов. Желая выменять на случайно избыточные топоры дополнительное количество копий, владелец первых соображает: топор достался мне за 10 золотников янтаря, копья же мне самому приходилось уступать по 2 штуки за 10 золотников. Следовательно, сделка будет правильная, если за 1 топор удастся получить 2 копья. Точно так же и для владельца копий обмен их на янтарь играет свою роль в примитивных расчетах, по крайней мере, в качестве воображаемого, неполучающего действительной реализации момента.

Около производителей янтаря развивается особый тяготеющий к ним и до известной степени отграниченный мир, для которого все меновые акты принимают единообразную формулу:

1 топор		= 10 золот. янтаря
5 стрел		
2 копья		
1 связка бус		
3 глиняных сосуда		
и т. д.		

Новая формула представляет меновые акты с точки зрения тех родов, которые выменивают на свои продукты янтарь. Она кажется перевернутой второй формулой и ничем больше. В действительности, как видно уже из предыдущего, господство этой формы обмена знаменует огромный шаг в развитии меновых отношений.

Не только в обмене с общиной, производящей янтарь, но и в обмене между соседними общинами все остальные товары выражают свою стоимость в янтаре. Янтарь выделился из ряда других товаров, как товар по преимуществу, как средство для выражения стоимости всех других товаров, как всеобщее мерило и воплощение стоимости, — выделился потому, что в процессе развивающихся меновых сделок он превратился в товар, на который приобретаются и на который легче всего приобрести всевозможные другие товары.

Янтарь начинают выменивать уже не ради его физических свойств, а за его общественное свойство: за то, что все другие товары выражают в нем свою стоимость, за то, что он сделался всеобщим покупательным средством. Для рода, добывающего янтарь, это свойство, приобретаемое янтарем в процессе развивающихся общественных отношений между родами, служит побуждением расширять добывание янтара; то же самое свойство побуждает соседние роды расширять свое производство топоров, копий и т. д., на которые можно выменять янтарь у других родов. Таким образом, новая, *всеобщая* форма обмена служит выражением прогрессирующего общественного разделения труда, а следовательно, и глубокого изменения в производственных отношениях каждого рода. Превращение продукта в товар сделало решительный шаг вперед не только для рода, добывающего янтарь, как было при господстве предыдущей формы обмена, но и для окружающих родов.

С течением времени свойство янтара обмениваться в определенных пропорциях на другие предметы начинает казаться таким же его *естественным* свойством (а независимым, как это есть на самом деле, от общественных отношений и, в частности, отношений трудовых затрат), как цвет и прозрачность, твердость и блеск.

Это явление — наделение средств обмена особыми свойствами — вполне развертывается лишь на очень поздних ступенях экономического развития. В рассматриваемый период оно едва намечается.

По мере того, как непосредственный обмен отступает на задний план и всеобщая форма обмена получает более широкое распространение, меновые пропорции различных товаров все более утрачивают случайный характер, все более фактически регулируются трудовыми затратами. Иначе оно и быть не может: развитие всеобщей формы обмена уже само по себе показывает, что обмен из случайного акта превращается в постоянное, а потом и в необходимое условие существования

целого ряда родов. Количественные отношения обмениваемых продуктов перестают быть чем-то безразличным; соответствие между суммой труда и суммой потребностей этих общин может поддерживаться лишь при том условии, если они не расточают своего труда при обмене, т.-е. получают за свои товары продукты не меньшей трудовой стоимости. Это тем более необходимо, что производительность труда все еще очень низкая, труд в своей преобладающей массе представляет необходимый труд, прибавочный продукт, запасы, избытки и т. д. очень невелики. Но сведение меновых стоимостей к трудовым затратам является косвенным, совершается при посредстве хотя бы воображаемого обмена на янтарь: товары, производство которых стоило одинакового количества труда, должны обмениваться на равные количества янтаря.

Однако, производство для собственного потребления все еще остается господствующим даже в таких родах, которые специализировались на производстве оружия, гончарных изделий и т. д. Даже для них обмен доставляет лишь некоторое восполнение к собственному производству предметов питания, украшений и т. д. О родах, которые не могли развить у себя таких специальных отраслей, нечего и говорить. Поэтому элемент случайности все еще значителен, как в самых меновых отношениях между родами, так и в тех пропорциях, в которых обмениваются продукты один на другой.

В приведенном выше примере янтарь уже развился в *деньги* для своей области. В других областях такую роль начинают играть куски меди и железа, скот и продукты скотоводства, напр., шкуры. В пограничных территориях, соприкасающихся с такими областями, идет борьба между различными орудиями обмена за привилегированное положение, за выделение из ряда остальных товаров, за превращение в деньги уже не для одной, а для целого ряда смежных областей. Но и эта борьба, и ее исход относятся к позднему периоду экономического развития.

Последовательное развитие форм обмена можно иллюстрировать на более близких к нам отношениях, когда встречаются два резко различных экономических строя, и потому все процессы протекают с стремительной быстротой.

В деревню с натурально-хозяйственным строем всех отношений, т.-е. с производством, рассчитанным непосредственно на собственное потребление, является торговец, представляющий в то же время и скупщика. Происходит целый ряд актов непосредственного обмена: 1 зерно = неопределенному количеству шерсти, которое отдается и принимается просто на глаз, 1 платок = такому же неопределенному количеству пуха или костей и т. д. Акты обмена единичны, пропорции обмена случайны для крестьян. Они производили и производят продукты не для рынка, а непосредственно для собственного потребления. Продукт для них не товар, т.-е. не воплощение определенного количества труда, не стоимость, которая